

Н.В. Усова (Донецк)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И «ЯЗЫК СОБСТВЕННЫХ ИМЕН»

Рассматриваются особенности функционирования собственных имен в условиях специфики мифологического мышления.

Ключевые слова: *собственное имя, мифологизация, лингвокультура, номинация, отождествление, табуирование, охранное имя.*

В вопросе о природе собственного имени (СИ) остается много неразгаданного, вызывающего неоднозначные и подчас противоречивые мнения. Традиции употребления имени как феномена языка и культуры, которые берут свое начало в архаичных формах сознания, требуют осмысления с позиций современных представлений о мире и человеке в мире.

На неразрывную связь мифа и имени указывал Ю.М. Лотман, который говорил: «Миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимоопределяемы, одно сводится к другому: миф – персонален (номинационен), имя – мифологично. Можно сказать, что общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу» [9, с. 529–543]. В этом наблюдается пересечение его точки зрения на миф и СИ с концепцией А.Ф. Лосева, которая была выражена формулой «*миф есть развернутое магическое имя*».

Согласно теоретическим взглядам Лотмана, для мифологического сознания мир составлен из объектов: 1) одноранговых; 2) нерасчленимых на признаки и 3) однократных, поскольку «представление о многократности вещей подразумевает включение их в некоторые общие множества, то есть

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

наличие уровня мета-описания» [9, с. 526], что недоступно мифологическому мышлению. Мифологическое пространство, характеризующееся небольшими размерами и замкнутостью, заполнено именами его «внутренних объектов», имеющих конечный, «считаемый» характер [9, с. 531]. В этом состоянии мышления освоение мира происходит прежде всего в сфере собственных имен, посредством отождествления мифологическим сознанием слова и именуемого объекта (у Лотмана – денотата). Это значит, что непосредственно через «язык собственных имен» каждый объект мира оказывается поименован и равен своему имени. Таким образом освоение мира мифологическим мышлением сопровождается специфическим типом семиозиса, который сводится к процессу *номинации*: знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени [9, с. 527].

Принимая за исходные теоретические положения Ю.М. Лотмана, рассмотрим на примерах из различных лингвокультур особенности функционирования «языка собственных имен» в условиях специфики мифологического мышления.

Отождествление имени и обозначаемого им характерно именно для мифологических представлений, поскольку предполагает такое состояние мышления, при котором «имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем» [4, с. 9]. Следует заметить, что сам акт произнесения, как и характер звучания имени, имеет особое значение для мифологического мышления. Он коррелирует с таким существенным моментом во взглядах древних индийцев, как положение о том, что человек есть «сочетание речи и дыхания, кои суть жертвоприношение» [2, с. 187]. Свидетельства представлений древних о магической силе звучания имени [богов] содержат старинные сказания и предания, например, древнеиндийское сказание о риши Шупашхене, который, будучи предназначенным в жертву, обратился за помощью к богам. По мере того как он произносил имена богов, с него спадали путы, и герой, благодаря вмешательству призванных путем произнесения их имен (разрядка наша – Н. У.) богов, получил не только осво-

божество, но был вознагражден благополучием и счастьем [2, с. 152].

Номинационный характер мифологического мира непосредственно связан с некоторыми типичными сюжетными ситуациями, такими как ситуации 'называния' вещей, не имеющих имени, которые могут рассматриваться одновременно и как акт творения, переименования, перевоплощения или перерождения; овладения языком (например, птиц или животных); узнавания истинного названия или сокрытия его [5; 7; 9].

Исторически длительно существовало у многих народов табу на произнесение имени божества наряду с исключительным правом отдельных избранных называть бога по имени при отправлении особо значимых религиозных и культовых обрядов. Известно существование такого запрета в древнем Израиле, где считалось, что произнесение имени бога равнозначно установлению власти над ним. В древнем Египте также существовало представление о том, что знание имени предоставляет власть над его носителем. Если фараон выдавал имена богов людям, то после смерти боги отказывались переправлять его через Священную реку. Поэтому боги имели целый ряд защитных имен-перифраз. Например, *Озирис* звался *Тот*, *чьи имена многочисленны* [13, с. 7]. Под запрет попадали имена не только богов, но и императоров. Так, в древнем Китае никто не смел носить одно с императором имя. Если же оказывалось при вступлении на трон нового императора, что находились подданные с таким же личным именем, то они должны были сменить его на другое [13, с. 8].

Вера в единство человека и его имени, является, вероятно, столь же древней, как и сам человек. Об имени как важнейшей и неотъемлемой составляющей сущности человека, самых интимных сторон его жизни говорил А.Ф. Лосев: «В любви мы все повторяем любимое имя и зываем к любимому через его имя. В ненависти мы хулим и унижаем ненавидимое через его имя. И молимся мы и проклинаяем через имена, через произнесение имени» [8, с. 166]. Действительно, магические и колдовские действия обязательно включали в себя манипуляции с именем. Рассыпая снадобье на пороге

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

с целью отравления определенного лица, колдун произносил имя того, кого оно должно было поразить. При этом для других, переступивших также через порог, оно было безопасно [11, с. 90]. Не только произнесению, но и написанию имен придавалось магическое значение. Известно, что автор словаря «Zi Guan» Ванг Ксихоу, нарушив существовавший запрет, записал в своем словаре несколько полных имен императоров, якобы для того, чтобы показать, как не следует этого делать, и был казнен за это [13, с. 8].

Многочисленные примеры свидетельствуют о фактах сокрытия СИ. На определенной стадии общественного развития свое личное имя открывается весьма неохотно человеку чужому. М.С. Альтман в этой связи замечал, что арауканец на вопрос путешественника о его имени обычно отвечает: «У меня его нет» [1, с. 128]. У многих народов существовал обычай давать новорожденному ребенку параллельно с официальным именем второе, охранное. Так, у восточных славян довольно долго (по крайней мере до 17 в.) было принято не произносить до определенного возраста имя ребенка, а вместо него называлось другое, ‘условное’ имя: *Ждан, Первуша, Вторуша, Третьяк* [12, с. 398]. У эвенков было принято давать имя ребенку не сразу по рождении, а наблюдали за его характером, способностями, чтобы подобрать имя, соответствующее его сути [3, с. 65–66]. Охранный смысл имело также распространенное у многих народов негативное значение второго, ‘явного’ имени ребенка, цель которого – показать всю непривлекательность ребенка через его имя и таким образом отвратить от него всякое зло – болезни, злых духов и т.п. Примером могут служить личное имя для мальчика у татар *Etalmas* ‘собака его не возьмет’, для девочки у осетин *Bindzā* ‘муха’, *Некрас, Неведом* у русских, *Gruban* ‘грубый’ у сербов, *Grosjo* ‘ужасный’ у болгар и т. п. Подобные вербальные действия могли подкрепляться соответственными перформативными действиями. Так, у удмуртов существовал обычай прятать ребенка в поле или даже в мусоре, чтобы отвратить от него злые силы, при этом ему давали имя близкое к слову ‘мусор’ *žag: Žagon, Žagbej* [13, с. 10].

Мифологическое отождествление предполагает транс-

формацию объекта, которая имеет место в конкретном пространстве и времени [9, с. 542]. Мифические и эпические персонажи, как правило, имеют два или даже три имени, для каждого из трех миров. Важным в этом отношении представляется замечание Ю.М. Лотмана о том, что мифологическое отождествление, основанное на неотделимости названия от вещи, не предполагает синонимии, но имеет принципиально внетекстовый характер [9, с. 541]. При замене одного имени другим речь идет не о замене эквивалентных названий, а о трансформации самого объекта именованного. У эвенков существовал обычай в случае беды переменять имя. Это следовало сделать из соображений, «чтоб несчастье не нашло тебя во второй раз по твоему имени» [3, с. 65–66]. Смысл подобного правила состоит в том, что при перемене имени подменяется и сущность его носителя, который, став ‘другим’, будет иметь и другую судьбу. По достижении мифологическим героем определенного уровня он получает новое имя, чем подтверждается его переход в новый статус («Если сможешь достичь в своих путешествиях Угу Буга (Верхнего Мира) – Будешь именоваться *«Богатырем Чивкачатканом – Богатырем, рожденным от птицы!»*» [3, с. 67]). То же касается и обыденной жизни мифологического мира. Имена эвенкийских богатырей-героев и героинь всегда содержат в себе их основную характеристику, выраженную эпитетом. Так, полное имя героини, одиноко живущей в самом начале появления средней земли Дулин Буга – *Шесть шестипрядевых кос имеющая Нюнгурмок (Нюнгун нюнгунтоно Нюгнурмок)*, в основу которого положено слово *нюнгун – шесть*, т.к. героиня заплетает волосы в шесть кос, при этом каждая из них заплетается из шести прядей волос [3, с. 67]. Таким образом, героиня по своим основным качествам оказывается равна своему именованию.

Назвать имя при определенных обстоятельствах означало вызвать к жизни, заставить материализоваться именуемый объект. Бытовой культуре мифологизированного общества свойственно избегать упоминания того, что может навредить. Этим объясняется существование во многих традиционных обществах запрета на произнесение вслух имени недавно

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

умершего человека (пересекшего границу между тем и этим миром), нарушение которого равноценно серьезному преступлению [6, с. 252–253]. В то же время в другой ситуации угадывание и произнесение имени врага для мифологического сознания было равнозначно победе над этим врагом, также как повторение имени божества обеспечивало божественную помощь в трудной жизненной ситуации. Отголоски унаследованных от древних представлений о магических свойствах имени и его звука сохранялись в разных культурах длительное время и, вероятно, до сих пор окончательно не преодолены. Показательны не только разнообразные табу, накладываемые на употребление ИС, но существующее параллельно табуирование имен нарицательных, обозначающих, например, животных, болезни и т. д. Примером служат старинные поверья, подобные тому, которое существовало на севере Германии вплоть до начала XX века. Оно предписывало не говорить в декабре о волке, называя его по имени (англ. *werewolf*, нем. *Werwolf*), чтобы не растерзали оборотни [10, с.148]. В древнем Китае люди, страшась «призраков лихорадки», старались не произносить название этой болезни *хань-же* ‘холод и жара’, предпочитая обозначение *ци ши а бин* ‘болезнь нищего’, стремясь таким образом отогнать ее [11, с. 90]. У сванов и абхазов во время коллективной охоты, не обходящейся без обмена сигналами звуковой речи, словами, ни один предмет не мог быть назван его обычным названием, для этого использовались специальные слова, т. н. ‘охотничий язык’ [1, с. 128]. Со ссылкой на Н.Я. Марра М.С. Альтман передает обычай, существовавший в Гурии, не называть напрямую в обычной беседе змею: «змея называется не словом *gwel-c* ‘змея’, а словом *uqsenebel-i*, означающим ‘неупоминаемая’» [1, с. 18]. Следует согласиться с выводом Ю.М. Лотмана, что в ряде случаев подобные факты определенно указывают на то, что соответствующие названия осознаются и функционируют в мифологической модели мира именно как собственные имена. Отождествление названия и называемого, в свою очередь, определяет представление о неконвенциональном характере собственных имен, об их онтологической сущности (Ю.М. Лотман).

Из изложенного видно, что мифологическое мышление и «язык собственных имен» стимулировали способности к установлению отождествлений, аналогий и эквивалентностей в мифологизированной картине мира. Использование имени как концентратора смысла и как инструмента воздействия, зафиксированное в ранних мифологических текстах и в обрядах, связанных с употреблением имени, подтверждает особенное, как правило, магическое значение звучащего СИ для древних. Примеры подтверждают, что главными признаками мифологического отождествления являются, с одной стороны, всевозможные табу, запрещающие определённые действия по отношению к имени, с другой же – ритуальное употребление или изменение СИ. Многие факты говорят в пользу присутствия звукоонтологического значения имени в мифологическом сознании. Возможно, оно повлияло на исторически длительное существование у многих народов запрета на произнесение имени божества наряду с исключительным правом отдельных избранных называть бога по имени при отправлении особо значимых религиозных и культовых обрядов. Осмысление традиций употребления имени в разных культурах обнаруживает общие черты, в том числе у народов, территориально удалённых друг от друга, что наводит на размышления об универсальном характере СИ как феномена, восходящего к архаичным формам сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман, М.С. К вопросу о родовых пережитках у саяно-алтайцев // Советская этнография. – 1937. – № 2–3. С. 126–128.
2. Бонгард-Левин, Г.М. Индия в древности : Науч. издание / Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 780 с.
3. Варламова, Г.И. Имя и наречение именем в эвенкийском эпосе // Эвенкийский эпос в начале третьего тысячелетия. Сб. науч. трудов, под. ред. Г.В. Быковой, Г.И. Варламовой. Вып. 3. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 65–71.
4. Воронин, С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
5. Иванов, В.В. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции // Индия в древности (сбор-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ник статей). Под ред. акад. В.В. Струве. – М.: Наука, 1964. – С. 85–94.

6. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

7. Лосев, А.Ф. Вещь и имя. Самое само [Текст] / А.Ф. Лосев; подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого; вступ. ст. А.Л. Доброхотова; коммент. С.В. Яковлева. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 574 с.

8. Лосев, А.Ф. Философия имени. / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – 272 с.

9. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

10. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура; Пер с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

11. Четыркина, И.В. Перформативность как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива / И.В. Четыркина; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: КубГУ, 2005. – 221 с.

12. Этнография восточных славян / Очерки традиционной культуры. Отв. Ред. К.В. Чистов. – М.: Наука, 1987.

13. Kohlheim, R.; Kohlheim, V. Die wunderbare Welt der Namen. Dudenverlag. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 2009.